

Н. З. ГАДЖИЕВА

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Проблема сложноподчиненного предложения в тюркологической литературе является одной из наиболее спорных. Мы встречаемся здесь с целым рядом различных, часто исключающих друг друга воззрений на природу придаточного предложения. Одна группа тюркологов рассматривает все причастные, деепричастные и глагольно-именные конструкции как придаточные предложения лишь на том основании, что в русском и других индоевропейских языках им могут соответствовать таковые, т. е. фактически исходят из перевода¹.

Диаметрально противоположной точки зрения придерживается другая группа тюркологов, для которых решающим критерием при определении придаточных предложений является наличие сказуемого в личной глагольной форме (*verbum finitum*) и которые поэтому относят все причастные, деепричастные и глагольно-именные конструкции к составу простого предложения². Наконец, есть третья группа тюркологов, которые выработали более дифференцированный подход к решению вопроса о том, считать ли причастные, деепричастные и глагольно-именные конструкции оборотами или придаточными предложениями. Придаточными предложениями признаются лишь те конструкции, которые характеризуются относительной логической самостоятельностью и отвечают определенным грамматическим требованиям (имеют самостоятельное подлежащее, отличное от подлежащего главного предложения, и пр.)³.

Отсутствие в тюркологической литературе единых критериев выделения придаточных предложений отчасти объясняется недостаточным вниманием со стороны тюркологов к вопросам, связанным прежде всего с теорией простого предложения, а также с природой самих причастных, деепричастных и глагольно-именных форм.

¹ Эта точка зрения, основанная на чисто логическом подходе к природе тюркских придаточных предложений, имеет довольно давнюю традицию. Впервые в тюркологической литературе она была выдвинута Мирзой Казем-Бекем — автором одной из ранних тюркских грамматик (см. М. А. К а з е м - Б е к, Грамматика турецко-татарского языка, Казань, 1839 и особенно ее второе издание «Общая грамматика турецко-татарского языка», Казань, 1846).

Эта же точка зрения представлена в работах: В. Г о р д л е в с к и й, Грамматика турецкого языка (Морфология и синтаксис) («Труды Моск. ин-та востоковедения им. Н. Нариманова при ЦИК СССР», X), М., 1928, стр. 140—151; А. Б о р о в к о в, Учебник уйгурского языка, Л., 1935, стр. 135—136.

Того же воззрения придерживается и большинство зарубежных тюркологов; об этом можно судить на основании косвенных замечаний по вопросам синтаксиса сложного предложения, которые содержатся в их работах общего характера (см.: I. N é m e t h, Türkische Grammatik, Berlin und Leipzig, 1916; Н. J a n s k y, Lehrbuch der türkischen Sprache, Leipzig, 1943, и др.).

² См.: И. А. Б а т м а н о в и А. Н. В и л ь н е р, Учебник узбекского языка. Синтаксис. Для 7—8 г. обуч. русск. средн. школ. Ташкент, 1933, стр. 65; Н. П. Д ы р е н к о в а, Грамматика шорского языка, М.—Л., 1941 (нужно отметить, что Н. П. Дыренкова, рассматривая причастные и деепричастные конструкции с самостоятельными подлежащими как развернутые члены предложения или обороты, признает сложными предложения, в состав которых они входят; см. стр. 285); М. Ш и р а л и е в, Сложноподчиненное предложение в азербайджанском языке, ВЯ, 1956, № 1, и др.

³ Основные установки для определения придаточного предложения сторонниками рассматриваемой точки зрения были даны Н. К. Дмитриевым в его грамматиках кумыкского и башкирского языков (см.: Н. К. Д м и т р и е в, Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1940, стр. 191—196; е г о ж е, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 244—248). Именно эта точка зрения в наибольшей степени соответствует нашим взглядам, однако, как нам представляется, и она нуждается в дальнейших уточнениях.

Термины *главное* и *придаточное предложение* — так принято в школьной традиции именовать части сложноподчиненного целого — конечно, условны; и в этом отношении можно целиком присоединиться к мнению Н. С. Поспелова о том, что «ни одна из частей сложного предложения не только сложноподчиненного, но и сложносочиненного не является предложением, которое бы всегда имело интонационную и смысловую законченность»¹. Между главной и придаточной частью имеют место различные степени спаянности, что зависит от того, поясняется ли какой-нибудь член главного предложения или все предложение в целом. Поэтому следует говорить об относительной законченности мысли, выражаемой придаточным предложением, и об относительной интонационной самостоятельности. Однако это не мешает придаточному предложению быть грамматически оформленным по законам данного языка². Грамматическое оформление придаточного предложения, как и простого, во всех языках находит свое выражение в подлежащем и сказуемом, двух неотъемлемых структурных элементах предложения. Взаимоотношение между этими основными элементами предложения и создает те отношения, которые обычно называют предикативностью³. Однако предикативность не следует смешивать с глагольностью. Таким образом, когда мы говорим о критериях выделения придаточных предложений, то требование глагольности его сказуемого как основного признака предложения лишено всяких оснований. Между тем для некоторых тюркологов это основной мотив, по которому причастные, а также и деепричастные конструкции лишаются права быть придаточными предложениями⁴.

Если ввести такой критерий выделения придаточных предложений, то от этого пострадают не только придаточные, но и большинство самостоятельных именных предложений, отнесение которых к простым словосочетаниям привело бы к абсурду. Те, кто предъявляет придаточным предложениям требование обязательной глагольности, по-видимому, забывают об одной из наиболее характерных отличительных особенностей тюркских языков: значительное место в последних (по сравнению с индоевропейскими языками) занимают именные предложения. Преобладание именного характера отношений в синтаксисе тюркских языков неоднократно подчеркивали Ж. Дени и К. Гребек, правильно замечая постепенное накопление глагольных свойств у ряда форм по мере их исторического развития⁵. Небезынтересно и то, что, перечисляя личные формы глагола в древнейших тюркских эпиграфических памятниках, а именно — в орхонских надписях VIII в., В. В. Радлов указывал только императив и имперфект⁶. Тот факт, что вместо личных форм глагола употребляются причастные и глагольно-именные образования в сочетании с местоименными показателями сказуемости либо вовсе без них, правильно подметил А. П. Попелуевский⁷. Приведем пример этому из памятника рунического письма: *Jaryn kičä alıun örgin üzä oturıpan, mäniläjür män* «Утром и вечером, сидя на золотом престоле, я радуюсь»⁸. В сказуемом *mäniläjür män* «я радуюсь» *män* — показатель сказуемости, формально совпадающий с личным местоимением. Ср. также: *ol äväk барымы ол* «Он отправился домой» (МК, I, 38)⁹.

Материал памятников древнетюркской письменности и факты, наблюдающиеся в современных тюркских языках, свидетельствуют также о полной несостоятельности доводов тех тюркологов, которые обязательным условием для придаточного предложения считают морфологическое согласование между подлежащим и сказуемым¹⁰.

В памятниках древнетюркской письменности наблюдаются случаи, когда те или иные

¹ Н. С. Поспелов, О различиях в структуре сложноподчиненного предложения (На материале сложноподчиненных предложений с придаточными временными и определительными), сб. «Исследования по синтаксису русского литературного языка», М., 1956, стр. 48.

² См. об этом В. В. Виноградов, Основные вопросы синтаксиса предложения (На материале русского языка), сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 389.

³ См. об этом Э. В. Севортян, К проблеме частей речи в тюркских языках, сб. «Вопросы грамматического строя», стр. 219.

⁴ См., например, М. Ш. Ширалиев, указ. соч., стр. 95.

⁵ См.: J. Deny, Grammaire de la langue turque. (Dialecte Osmanli), Paris, 1921, стр. 144, § 199; K. Grönbech, Der türkische Sprachbau, Kopenhagen, 1936, стр. 85.

⁶ W. Raddloff, Die alttürkische Inschriften der Mongolei, Lief. 3, СПб., 1895, стр. 414—417.

⁷ А. П. Попелуевский, Основы синтаксиса туркменского литературного языка, Ашхабад, 1943, стр. 6. На именной характер спряжения в тюркских языках указывал также Н. К. Дмитриев (см. его «Строй турецкого языка», Л., 1939, стр. 33).

⁸ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 80, (1).

⁹ В статье принято следующее сокращение: МК (I—III) — [Mahmud K a ş g a r i], «Divanü lügat-it-türk» tercümesi, çeviren B. Atalay, cilt I—III, Ankara, 1939—1941.

¹⁰ См., например, М. Ш. Ширалиев, указ. соч., стр. 94—95.

так называемые причастные и глагольно-именные формы, функционируя в качестве сказуемых бесспорно самостоятельных простых предложений, не принимают никаких личных показателей. Отсутствие морфологического согласования в лице со своим подлежащим мы наблюдаем, например, у формы на *-дык*. В словаре Махмуда Кашгарского имеется много случаев предикативного употребления формы на *-дык* во всех лицах без соответствующих показателей лица. Например: *Män ja kurdük* «Я сделал лук» (МК, II, 61₃₋₄); *Олар таька аьдук* «Они поднялись на гору» (МК, II, 61₉₋₁₀); *Ол кайдүк* «Он пришел» (МК, II, 61₉₋₂₀).

В хамийском наречии уйгурского языка показатель *-дык*, соединяясь с *ikän*, входит в состав своеобразной формы именного сказуемого, весьма распространенной в песенном и сказочном жанре. Например: *Тал дәпто мән, тәл дәпто мән! Дирәк икән-дүк! Ушлап коһан ун дәпто мән! Кивәк икән-дүк* «Я назвал тебя тальником, я назвал тебя тальником (изящной), А ты оказалась осиной. Я схватил, думая, что мука, А это оказалось мякиной»¹.

По сведениям С. Е. Малова, в языке желтых уйгуров в форме прошедшего категориеского времени отсутствие личных окончаний является нормативным (ср. *мен алты* «я взял» и *сен алты* «ты взял»). Отсутствие личных окончаний наблюдается и в прошедшем времени на *-ган* в диалектах узбекского языка; ср. *мен олан* «я взял» и *сен олан* «ты взял»². Не случайно также и то, что во многих современных тюркских языках отсутствие личного оформления в 3-ем лице является нормативным. Ср. азерб. *Сабәһ аһам Москва я кедәчәк* «Завтра моя мать поедет в Москву» и т. д.

В современном чувашском языке, наиболее ярко сохранившем следы древнего состояния тюркских языков, отсутствие личных показателей сказуемого — явление довольно частое. Так, не принимает личных окончаний форма на *-са*, конструкции с которой во многих тюркских языках, кажется, никто из тюркологов не сомневается отнести к придаточным предложениям. И. П. Павлов отмечает, что «в наречии виряль деепричастие на *-са//се...* широко употребляется в функции сказуемого простого предложения. Но при этом для всех лиц и чисел выступает одна и та же деепричастная форма, никакой аффикс сказуемости к ней не прибавляется...

Ср.: В наречии виряль: *Эпә ку кәкәкене таьһанах вуласа*. В литературном языке: *Эпә ку кәкәкене таьһанах вулань*. Их значение одно и то же: „Я эту книгу давно читал“»³.

Эта особенность формы на *-са* в чувашском языке стоит в определенной связи с аналогичным явлением в памятниках древнетюркской письменности, где форма на *-са* (древний ее облик — *-сар*), выступая в качестве сказуемого самых разнообразных типов придаточных предложений, не принимает личных показателей. Ср. *Ол јирәрпү барсар, тәүрк будун, өлтәкисән* «Итак, о тюркский народ, когда ты идешь в ту страну, ты становишься на краю гибели»⁴.

В отношении использования так называемых причастных и деепричастных форм в качестве сказуемых самостоятельных и зависимых предложений тюркские языки не представляют исключения. Подобное явление можно наблюдать в древнерусском языке⁵. Если причастия и деепричастия в современном русском языке обладают значительно меньшей степенью предикации, чем эти же категории в памятниках древнерусской письменности, то причастия, деепричастия и глагольные имена в современных тюркских языках продолжают сохранять предикативные свойства, которые, как мы пытались показать, связаны с самой природой тюркского предложения.

На этом основании мы допускаем в тюркских языках возможность для так называемых причастных, деепричастных и глагольно-именных форм выступать в качестве сказуемых придаточных предложений. Мы неоднократно подчеркиваем «так называемые причастия и пр.» в функции сказуемого, потому что в данном случае можно говорить лишь о своеобразных глагольных формах, функционирующих как сказуемые и имеющих в качестве своих грамматических омонимов значения причастия, деепричастия и глагольных имен. Можно говорить о преобладании у той или иной формы на почве данного

¹ С. Е. Малов, Уйгурский язык. Хамийское наречие, М.—Л., 1954, стр. 16—17.

² Э. А. Грунина, Сложноподчиненное предложение в современном узбекском языке. Канд. диссерт., М., 1952, стр. 55.

³ И. П. Павлов, Деепричастия в чувашском языке и их синтаксические функции. Канд. диссерт., М., 1953, стр. 207.

⁴ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 28, (8).

⁵ Многочисленные примеры этому приводят А. А. Потебня (в работе «Из записок по русской грамматике», ч. II — Составные члены предложения и их замены в русском языке, Харьков, 1874, стр. 94) и М. И. Пигин (в статье «Причастное сказуемое в древнерусском языке, выраженное нечленным действительным причастием», Уч. зап. Карело-финск. гос. ун-та, т. V, вып. I — Исторические и филологические науки, Петрозаводск, 1955, стр. 181, 190, 191). А. А. Потебня при этом указывал, что «причина, по которой аппозитивное причастие в древнем языке скорее может иметь свое особое подлежащее, чем в новом, может заключаться в том, что причастие в древнем языке более глагольно, чем в новом...» (указ. соч., стр. 93).

конкретного языка одного из этих значений, по которому мы и назовем условно всю форму. Так, будет правильно говорить о причастии на *-ан* в азербайджанском, турецком языках, но о глагольном имени на *-дык* (ни в коем случае не о причастии!) в тех же языках и т. д. Своеобразные глагольно-именные формы, выступающие в качестве сказуемых, как бы окончательно «оглаголились» на почве своей предикативной функции, и их правильно называть неличными формами глагола (*verbum infinitum*)¹.

Сопоставление материала памятников древнетюркской письменности и фактов современных тюркских языков дает нам интересную картину грамматического развития этих форм — от грамматической нерасчлененности в древности к четкому обособлению причастий, деепричастий, *verbum infinitum* в современных языках. В качестве примера возьмем форму на *-дык*. В памятниках древнетюркской письменности форма на *-дык* употреблялась как причастие, деепричастие, глагольное имя, *verbum infinitum*.

1. Как деепричастие: ... *itiniŋ jaratunu umaduk, jana irikmis* «... не будучи в состоянии (что-либо) сделать для себя и создать, он (тюркский народ) подчинился государству Табгач»².

2. Как *verbum infinitum*: «*Ūzä kök täŋri asra jabız jır kылынтукда, äkin ara kisi obлы kылынмыс* «Когда было сотворено (и л и: возникло) вверх голубое небо (и) внизу темная (б у к в. бураи) земля, то между (ними) обоими были сотворены (и л и: возникли) сыны человеческие (т. е. люди)»³.

3. Как причастие: ... *türk budun illäŋük ilin ычбыну ыдымыс, кабанладук кабанын jitürŋŷ ыдымыс* «тюркский народ привел в расстройство свой (до того времени) существовавший племенной союз и навлек гибель на царствовавшего над ним (до того времени) кагана»⁴.

Из современных тюркских языков форма на *-дык* стабилизировалась в южной группе, закрепившись в этих языках в значении глагольного имени и часто выступая как *verbum infinitum*. В других тюркских языках (например, в башкирском) ее употребление носит эпизодический характер. Существование ее в башкирском языке связано уже не с формообразованием, а со словообразованием; ср.: *табылдык* «находка», *казылдык* «ископаемое» и пр.⁵.

Проследим также развитие формы на *-сар*. В памятниках древнетюркской письменности эта форма выполняет как атрибутивную функцию, так и функцию *verbum infinitum*. Например: *Ärdäm болсар будунуБ äрк будунуБ*. «Народ, у которого есть доблесть, сильный народ»⁶. *Äр ärdäm älim болсар, будун isrik jörŋmädi ärinçim iki-aimä*... «Так как мое государство обладало геройской доблестью, то народ возбужденный (или мятуящийся) не ходил... (к двоим?)»⁷. В современных же тюркских языках форма на *-сар* не имеет собственно причастного значения.

Процесс грамматического развития прошла и форма на *-мыш*, которая в южных языках (для них именно она и характерна, будучи в других тюркских языках, например татарском, киргизском, достоянием области словообразования) утратила способность к деепричастным образованиям, распространенным в памятниках древнетюркской письменности (ср. образование типа *-miş* по аналогии с *-dikçä* и др.). Правда, в азербайджанском языке можно наблюдать еще необычное деепричастное образование на *-мамыш*. Иначе обстоит с формой на *-ган*, которая в данном фонетическом облике в ряде тюркских языков (ср., например, казахский, узбекский, уйгурский) прочно сохраняет все свои значения.

Способность так называемых причастных, деепричастных и глагольно-именных форм выступать в качестве сказуемого придаточного предложения при условии наличия при них самостоятельного подлежащего является лишь общим критерием выделения придаточных предложений. Применяя этот критерий, следует учитывать природу и особенности каждой из перечисленных форм в каждом конкретном языке. Нам представляется ошибочным утверждение, что форма на *-ган*//*-ан* во всех тюркских языках, в которых она встречается, может функционировать в качестве сказуемого придаточного предложения. Это зависит от свойств, которыми обладает указанная форма в том или ином конкретном языке. Наблюдения показывают, что в языках, например, кыпчакского типа у этой формы обнаруживается гораздо большая склонность к предикации, чем в языках огузского типа. Так, нельзя говорить о предикативных свойствах формы на *-ан* (очевидно, представляющей собою один из фонетических вариантов формы на *-ган*) в азербайджанском языке. Естественно возникает вопрос, от чего же зависит эти предикативные свойства и как их можно определить в каждом конкретном случае? Часто в качестве будто бы неоспори-

¹ В применении к указанным формам этот термин предложен Н. К. Д м и т р и е в ы м (см. «Грамматика башкирского языка», стр. 134).

² С. Е. М а л о в, Памятники древнетюркской письменности, стр. 29, (10).

³ Там же, стр. 28, (1).

⁴ Там же, стр. 29, (6), (7).

⁵ Примеры взяты из работы: Н. К. Д м и т р и е в, Грамматика башкирского языка, стр. 201.

⁶ С. Е. М а л о в, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952, стр. 56, (1).

⁷ Там же, стр. 56, (2).

иого доказательства возможности для так называемых причастных форм функционировать в качестве сказуемых придаточных предложений тюркологи приводят следующий факт: данная форма, выступая в качестве сказуемого, обладает признаками глагола (категориями залога, вида, наклонения, времени и др.). Однако всеми этими признаками обладают данные формы и в атрибутивно-причастном значении. Значит, это не может служить решающим доводом.

Прежде всего, признавая за той или иной формой право выступать в качестве сказуемого, мы должны требовать от нее относительной самостоятельности, присущей и необходимой для того, чтобы стать главным членом предложения — сказуемым. Если мы с такой точки зрения рассмотрим форму на *-ан* в азербайджанском языке, то заметим, что она такой самостоятельностью не обладает. Конструкции с формой на *-ан* в азербайджанском языке носят чисто атрибутивный характер, несмотря даже на возможность наличия при ней подлежащего, оформленного основным падежом. Характерно, что в таких случаях подлежащее настолько тесно примыкает к форме на *-ан*, что между ними трудно вставить какие-либо другие слова. Например: *Мән дә сиз алан норманы алырам* (Мехти) «И я возьму норму, которую Вы берете».

Таким образом, можно видеть, что самого по себе наличия самостоятельного подлежащего еще недостаточно для того, чтобы конструкция стала предикативной. Атрибутивный характер формы на *-ан* в южных языках лишней раз проявляется в частом ее использовании в качестве приложения. Ср. азерб. *Буну, бу аиләнин ән кичик үзү олан дөрд ишлә Зумруд дә әлэйә билерди* (Абдульгасан) «Это могла сделать и четырехлетняя Зумруд, самый младший член этой семьи». Следует заметить, что в форме на *-ан* нередко можно встретить глагол *олмаз*; *олан* выполняет в данном случае роль как бы атрибутивного уточнителя, указывая на атрибутивную функцию формы или оборота, при которых она выступает. Например: азерб. *Бу кун көрүлмәли олан иши сабаһа гойма* «Дело, которое должно сделать сегодня, не откладывая на завтра». Интересно, что в таких случаях употребления атрибутивного уточнителя *олан* значение сопровождаемой им формы не изменяется (в нашем примере это форма на *-мәли* — ср. случаи атрибутивного употребления этой формы без *олан*: *көрмәли ердир* «это место, которое стоит посмотреть»; *күлмәли сөз* «смешное слово» и т. д.). Не случайно также употребление формы на *-ан* при образовании так называемых перифразических форм причастий. Наконец, атрибутивной природой формы на *-ан* в южных тюркских языках, видимо, обусловлена и склонность ее к субстантивации. Ср. азерб. *Кучдә кәләнләр кедәнләр азды* «На улице было мало прохожих».

Все так называемые неличные формы в функции сказуемого объединяет одно общее свойство — динамика действия и вместе с тем несамостоятельность во временном отношении. Временное же значение причастий не зависит от временного значения главного сказуемого. Например, азерб. *Мән кәлбим о олан шһәрә* «Я приехал в город, в котором он находится». В отличие от главного сказуемого конструкция с *олан* не выражает динамики действия, а имеет статический характер.

Наряду с этим мы отмечаем предикативные конструкции, в которых время действия придаточной части соотносится с действием, выражаемым в главной части. Например, узб. ... *отам бу ердан кетганида, мен сўдак эдим* (М. Осимов) «... когда мой отец ушел из этих мест, я был грудным младенцем»¹. Здесь действие, выраженное формой на *-ган*, соотносится с прошедшим временем главного предложения.

Таким образом, при разграничении атрибутивных и предикативных конструкций с формой на *-ган*/*-ан* важно учитывать, насколько в этой форме сильны атрибутивно-причастные свойства. Наличие последних обычно не предполагает способности данных форм давать личные глагольные образования (*verbum finitum*). Так, форма на *-ан* в азербайджанском и турецком языках, не обладая предикативными свойствами, не дает образований по линии категории времени. Напротив, например, в узбекском, алтайском и других языках форма на *-ган*, употребляясь аннотативно и образуя предикативные конструкции, лежит в основе прошедшего результативного времени.

В тюркологической литературе конструкции неличных форм с самостоятельным подлежащим иногда не рассматриваются как придаточные предложения на том основании, что основной падеж подлежащего будто бы является «неоформленным родительным падежом» и в структуре тюркских языков якобы существует тенденция к так называемому отбрасыванию родительного падежа и активизации субъекта². Нам, однако, представляется сомнительным предполагать, что предикативным конструкциям предшествовали атрибутивные. Исторический материал свидетельствует о том, что уже в раннюю эпоху в тюркских языках были развиты конструкции так называемых неличных форм с подлежащим в основном падеже. Учитывая также то обстоятельство, что способ простого примыкания является как самый простой одним из наиболее древних, правильное допустить параллельное сосуществование конструкций с основным и родительным

¹ Пример взят из кн.: А. Н. К о н о в, Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948, стр. 255.

² См., например: М. Б. Б а л а к а е в, Активизация субъекта в казахском языке, «Изв. АН Казахск. ССР», № 77, Серия лингвистическая, вып. 5, 1948.

падежом. Против утверждения о первоначальности конструкций с родительным падежом говорят и факты отсутствия подобных параллелей для целого ряда предикативных конструкций. Ср. обстоятельственные конструкции с формой на *-дык* в азербайджанском языке или обстоятельственные конструкции с формой на *-ган*, например, в казахском языке. Нигде не имеют параллелей с субъектом в родительном падеже предикативные конструкции с неличной формой сказуемого, восходящей к деепричастиям. Надо сказать, что деепричастия по своей природе обладают большими предикативными свойствами, чем причастия. Этому способствует их исключительно аппозитивное употребление, а также способность соотносить выражаемое действие со временем совершения действия главного сказуемого (ср. употребление деепричастий в слитных предложениях).

Деепричастия в тюркских языках можно разбить на две группы. Одна группа, кстати весьма малочисленная, — это как бы первообразные деепричастные формы. По значениям им можно найти соответствия в языках индоевропейского типа. Таковыми являются, например, деепричастия на *-ыб*, на *-а* и некоторые другие. Характерно, что такие деепричастия легли в основу образования категории времени (ср. в азербайджанском языке прошедшее-результативное, основой которого является деепричастие на *-ыб*). Причем особенностью таких деепричастных форм заключается в том, что при употреблении их с самостоятельным подлежащим трудно разграничить, когда они выступают в качестве деепричастия и когда в качестве временной формы. Поэтому нередко бывает трудно решить, как квалифицировать данное предложение — как придаточное или как самостоятельное в составе сложносочиненного целого. Например, азерб. *Ат олуб итларин байрамыдыр* (Пословица) «Когда подыхает (или без *когда*) лошадь, у собак праздник».

Вторую группу деепричастий составляют преимущественно производные образования, по своему происхождению восходящие большей частью к причастиям (ср. кирг. *-гача*, узб. *-гуча*, турецк., азерб. *-дыгча*, туркм. *-гачи* т. д.). Эти специфические для тюркских языков деепричастия не образуют временных форм изъяснительного наклонения. Выражая различные модальные значения (последовательность во времени, причину, условие и пр.), они определяют собой характер взаимоотношения между придаточным и главным предложениями. Так, в азербайджанском языке придаточные предложения со сказуемым, выраженным деепричастием на *-дыгча*, обозначают действие, по мере совершения которого происходит действие, выраженное сказуемым главного предложения. Например: *Адам гочалдыгча таманы артар* (Пословица) «По мере того, как человек стареет, его жадность возрастает». Таким образом, являясь носителями разнообразных модальных значений, эти деепричастия являются одним из специфических грамматических способов выражения зависимости придаточного предложения от главного.

Нетрудно заметить, что в образовании деепричастных форм значительная роль принадлежит некоторым надежным аффиксам, а именно — аффиксам пространственных падежей, как наиболее склонным к грамматическому абстрагированию. Этот способ своими корнями уходит в глубокую древность (ср. древнеуйгурское деепричастное образование на *-мышта*, не свойственное современным языкам, или енисейско-орхонское на *-дукта* и пр.).

В оформлении придаточных предложений в тюркских языках большое участие принимают послелоги и служебные имена, значения которых в составе сложного предложения отличаются своеобразием. При классификации придаточных предложений по отдельным типам мы должны учитывать те значения, которые вносятся этими, для некоторых типов придаточных предложений неотъемлемыми, структурными элементами.

Говоря о грамматических способах соединения придаточного и главного предложений, следует отметить и союзы, получившие неодинаковое развитие в различных тюркских языках. По мнению некоторых тюркологов, богато представленная система союзной связи является основанием для того, чтобы не считать придаточными предложениями так называемые причастные, деепричастные, глагольно-именные конструкции со своим подлежащим¹. О значительной степени развития союзной связи можно говорить в отношении таких языков, как азербайджанский, узбекский, которые имеют довольно давнюю письменную традицию. Грамматическими же способами, передающими самые разнообразные нюансы подчинительных отношений в младописьменных тюркских языках, являются сами причастия и деепричастия, в оформлении которых могут участвовать аффиксы пространственных падежей, а также послелоги, служебные имена. Все эти средства имеют и азербайджанский, и узбекский языки. История формирования и развития этих литературных языков показывает, что именно со времени сближения письменных литературных языков с народными значительно развиваются причастные, деепричастные и глагольно-именные конструкции. Эти конструкции составляют характерную особенность строя всех тюркских языков и берут свое начало в глубокой древности; в частности, они являются преобладающими в чувашском языке, в неприкосновенности сохранившем многие древние черты.

Если внимательно присмотреться к союзам, которые получили развитие в старо-

¹ См. М. Ш. Ш и р а л и е в, указ. соч.

письменных языках, то нетрудно заметить, что преобладающее их большинство арабского и персидского происхождения (как известно, именно эти языки оказывали влияние на азербайджанский и узбекский литературные языки в процессе их исторического развития). В отношении большинства таких союзов нельзя говорить о семантической дифференцированности. Так, универсальный союз *ки* в азербайджанском языке вводит почти все типы придаточных предложений. Решающим основанием при классификации таких придаточных предложений по отдельным типам является значение уточнителей — соотносительных слов, включаемых в независимую часть сложного целого. Однако неличные формы сказуемого как своеобразный грамматический способ соединения главного и придаточного предложений характеризуются значительно более четкой семантической и грамматической дифференцированностью. В качестве примера возьмем придаточные предложения времени в азербайджанском языке. Здесь весьма многообразны грамматические способы выражения сказуемых придаточных предложений: это различные дееспричастные и глагольно-именные формы как в сочетании с послелогоми, служебными именами, так и без них, и за каждой такой формой закреплено строго определенное модальное значение. Так, придаточное со сказуемым-дееспричастием на *-анда* передает действие, во время которого и параллельно которому происходит действие, выраженное сказуемым главного предложения. Например: *Пишик олмаянда, сичанлар оа чыхар* (Пословица) «Когда нет кошки, мыши выходят на охоту».

Придаточное со сказуемым — формой на *-эж* выражает действие, вслед за которым непосредственно следует действие, выраженное главным сказуемым. Например: *Эмэд ичэри кирядк дэрд тэрдфдэн ону бурудулэр* (Джабарлы). «Как только Ахмед вошел, его окружили с четырех сторон».

Придаточное со сказуемым, выраженным формой на *-дыг* в сочетании со служебным словом *нал* в местном падеже, передает действие, параллельно которому происходит другое действие (вместе с этим конструкция содержит в себе и оттенок сравнения): *О чохданбэри өз сэнтинэ даир китаб охумадыгы налда Таһир электрикэ даир балача бир китабана дуээлтмишиди* (Мехти). «В то время как он уже давно не читал книг по своей специальности, Тахир собрал уже маленькую библиотеку по электричеству».

Очень любопытны случаи параллельного употребления неличных форм сказуемого в сочетании с союзной связью. Так, изучая материалы современного азербайджанского языка, нам удалось встретить довольно частые случаи употребления дееспричастия на *-анда* глаголов речи в сочетании с союзом *ки* — при наличии прямой речи. Такие конструкции обычно выступают в придаточных предложениях времени. Например, *Астафа чохэнтти артели сдэри Мэсмеливэдэн хэбэр аланда ки, артелдэ өзгидийэт нечэдир? Дейир: — Кечэн ил чох нис иди, бу ил бир хейли иррэлэмэ вар* (Кирпи). «Когда у председателя ремесленных артелей Акстафы Месмелиева спросили, каково положение в артели, он сказал, что в прошлом году было плохо, а в этом — есть значительные успехи»; *Мэн сэнэ дейдэндэ ки, мешидэ жетмэк тэһлүкэлидир совумэ бахмырын* «Когда я тебе сказала, что в лес ходить опасно, ты не послушалась меня».

В заключение следует отметить, что при классификации придаточных предложений следует учитывать семантику составных компонентов сложного целого, а также грамматические средства их связи. Мы уже говорили о таких грамматических способах, как союзы и соотносительные слова, неличные формы глагола при возможном участии в них надежных аффиксов, а также ряда послелогов и служебных имен. Как один из грамматических способов можно рассматривать соотносительное употребление форм времени и наклонения в составных частях сложноподчиненного целого. Так, например, сказуемое придаточного предложения цели обычно стоит в форме повелительного либо желательного наклонений. Например: азерб. *Бу ахшам совуругу гуртараг ки, сабаһ галаныны дейд билэж* (М. Ибрагимов) «Сегодня вечером мы кончим (с тем), чтобы завтра мы смогли обмолотить оставшееся».

К числу способов, выражающих отношения между придаточным и главным предложениями, можно отнести структурно-лексические соответствия между частями сложноподчиненного предложения. Например, азерб. *Субһ нэлэ ачылымышды, мэн оа чыхдым*. «Утро еще не наступило, (когда) я вышел на охоту».

При классификации типов придаточных предложений следует обращать внимание и на ряд других признаков. Так, в азербайджанском языке при классификации придаточных дополнительных нужно учитывать семантические разряды глаголов — сказуемых главных предложений: придаточные со сказуемыми в форме повелительного, желательного наклонений дополняют обычно главное предложение со сказуемым, имеющим значение желания, просьбы, совета. Однако надо заметить, что вопросы, связанные с классификацией типов придаточных предложений, являются предметом специального рассмотрения.

Для всестороннего изучения сложноподчиненного предложения, в области которого в тюркских языках остается все еще немало неисследованного, недостаточна описательная работа по выявлению отдельных видов придаточных предложений, проведенная уже по многим тюркским языкам. В настоящее время ощущается большая потребность в исторических исследованиях тюркского синтаксиса.